

УДК 82-1 (17.82.10)

Е. А. Сафонова

ОБРАЗ ЖЕНЫ – ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЛИРИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ НИКОЛАЯ ОЦУПА «ГРАД» И «В ДЫМУ»

Анализируется любовная лирика поэта первой волны русской эмиграции Николая Оцупа. Рассмотрены ранние стихотворения поэта, написанные с 1918 по 1926 г. и входящие в первые сборники Н. Оцупа «Град» и «В дыму».

Ключевые слова: эмиграция, любовь, лирика.

В произведениях эмигрантских писателей и поэтов герои – трансформированные образы самих авторов. В изгнании люди оказались в страшном состоянии духовного разобщения, забыли о чувстве любви как о подлинном содержании человеческого бытия. Особняком в этом ряду стоит творчество Николая Оцупа, который в своей лирике воплотил тему всепоглощающей любви к женщине.

1930-е гг. отмечены для Оцупа взлетом творческого дарования. В его дом вошла актриса Диана Александровна Карен, ставшая любимой женой и другом до конца жизни. В поэзии Оцуп изображал возлюбленную в образе красавицы Беатриче, а своим друзьям говорил: «Моя жена – большой человек» [1, с. 20].

Однако Диана Карен не была единственной женой поэта; известно, что первый раз Оцуп женился в начале двадцатых годов в Петербурге. Проанализируем ранние стихотворения поэта и рассмотрим сложившийся в них образ его первой жены.

Стихотворения, включенные в дебютный сборник «Град», отражают драматические события: Первая мировая война, революция, Гражданская война, разруха. Только любовь помогает лирическому субъекту мириться с неустойчивостью социального мира. Несмотря на то, что стихотворения расположены без хронологической последовательности и не все датированы, попытаемся проследить развитие любовного сюжета.

Первое стихотворение «Гремел сегодня ночью гром» – без даты, оно является своеобразным вступлением ко всему сборнику. Символическое изображение дерева, в которое попала молния, передает атмосферу послереволюционной эпохи. Дерево – многовековой образ мира, его ствол – центральная ось, соединяющая небо, землю и подземный мир. Лирический субъект и себя отождествляет с этим деревом: черным, обугленным, ветхим, что отражает его душевное состояние. Последняя строфа построена на контрастном параллелизме: «А в вышине, где птичий свист, / Где не плясало пламя – / Ещё дрожит зеленый лист – / Трепещущая память» [1, с. 27].

Метафоры «птичий свист», «лист дрожит», «трепещущая память» передают ощущение трево-

ги. Память для Оцупа – антитеза смерти и забвению; связующее между прошлым, настоящим и будущим. Стихотворение не относится к любовной лирике, но поэт посвящает его жене.

Оцуп всегда восхищался женами-спутницами русских поэтов. В начале творческого пути он посвятил стихотворение жене, выразив благодарность женщине, находящейся с ним рядом в тяжелые дни. В конце жизни в книге «Николай Гумилёв. Жизнь и творчество» поэт, рассуждая о непростой судьбе женщин, сравнил жен поэтов с женами декабристов [2, с. 134–135].

Образ возлюбленной раскрывается в стихотворении «Осень» (1920), написанном верлибром, в котором тяжелому мрачному Петербургу противостоит квартира, где лирического субъекта ждет жена.

Природа и культура тождественны и трудно различимы. Стихотворение состоит из многочисленных сравнений: штукатурка домов метафорично сравнивается с песчаными дюнами, трамвайные билеты с листьями, электричество с сеном, трамвай с голодными стадами. Интерьер комнаты изображен как пейзаж, используются романтические метафоры – милая дубрава с густолиственной сенью обоев и шелковой муравой дивана. При описании любимой используются традиционные сравнения (тело женщины дрожит как газель) и необычные: кожа пахнет дорожками Летнего сада. В сознании лирического субъекта Летний сад является любовным и творческим Эдемом и ассоциируется с образом возлюбленной. Дорожки Летнего сада названы дорогой к бессмертию, это место свиданий влюбленных, служащее вдохновением и опорой существования: «Ты томилась встречей осенней, / И дрожью милой газели / Трепетало легкое тело / С родинкой на левой груди! <...> / Ведь для негра мускусный запах / Кожи милой и шлепающие губы – / Такая же дорога к бессмертию, / Как для меня завиток волос / Твоих – за коралловым ухом; / Где кожа так душно пахнет, / Как дорожки Летнего сада» [1, с. 44].

Для лирического субъекта важны эротизм, телесная любовь – гармоничное физическое единение; он стремится видеть, слышать, осязать и, главное,

находиться рядом с любимой в пространстве-времени.

Стихотворение имеет адресата: к любимой он обращается по имени Елена.

Известно, что мотивы и темы лирических стихотворений далеко не всегда согласуются с фактами личной судьбы поэта. Для того чтобы узнать, насколько лирическое «я» в произведениях Оцупа совпадает с обликом реального автора, мы попытались найти информацию о первой жене поэта.

Оцуп не оставил о ней воспоминаний, но отдельные упоминания о ней есть в книгах его современников. Н. Чуковский в своих воспоминаниях писал: «Тут же, в фойе, обнаружился поэт Николай Оцуп с женой Полиной, красивой женщиной, казавшейся нам очень шикарной, потому что она как-то по-особенному косила глаза. Оцуп небрежно мне кивнул, подвел жену к стойке, и они съели по пирожному» [3, с. 17].

Упоминает о жене Оцупа Павел Лукницкий в книге «Встречи с Анной Ахматовой»: «Шли в Мраморный дворец через Марсово поле. АА спросила меня об Оцупе... Я ответил, что, по-моему, блудная ночь с ней невозможна (я бы не решился!), ответила: “Кажется, с ней – невозможно...”» [4, с. 48]. В этой же книге читаем: «На днях (15 февраля) я приносил АА в Шереметевский дом и показывал ей вариант “Заблудившегося трамвая”, полученный мной от П. А. Оцупа» [4, с. 74].

В настоящее время составлением семейного древа занимается Рудольф Романович Оцуп. Двоюродный внук поэта, написавший книгу «Оцупы – моя семья. Генеалогическое исследование» [5, с. 1–76], недавно нашел фотографию Полины Оцуп, датированную сентябрем 1920 г., а также установил, что на еврейском (Преображенском) кладбище в Санкт-Петербурге есть надгробие Полины Ароновны Оцуп, урожденной Уфлянд. Настоящее имя жены поэта известно, осталось понять, почему в поэтических текстах Оцуп дает ей вымышленное имя.

Стихотворения сборника лишь на первый взгляд расположены хаотично и бессистемно. Так, рядом со стихотворением «Любовь», в котором лирический субъект обращается к Елене, расположено стихотворение, посвященное Елене Люком «Я этим грезил до сих пор» [1, с. 31]. В двадцатые годы ее имя гремело на всю страну. В послеоктябрьское десятилетие ни одна петроградская танцовщица не пользовалась такой любовью, как Люком. Ей посвящали стихотворения не только Оцуп, но и Александр Блок и Владислав Ходасевич [6, с. 6]. Для литературного имени возлюбленной поэт выбирает имя любимой балерины.

Поэтоним [7, с. 80] Елена выполняет номинативную, характеризующую и стилистическую фун-

кции. Оцуп комбинирует значение имени, варьируя мотивы, связанные с любовной тематикой.

В стихотворении «Я не люблю, когда любовь нема» (1921) поэт намекает на то, что использует псевдоним для реальной возлюбленной. Лирический субъект обращается к героине по имени Делия [1, с. 63]. Делия (лат.) – эпитет римской богини Дианы, соответствует греческой Селене.

Кроме того, Делия – условное стилизованное женское имя в поэзии первой трети XIX в.; часто для любимых женщин поэты придумывали имя, в котором было столько же слогов, сколько в подлинном имени: Темира – Надежда, Хлоя – Анна, Елена – Полина [1, с. 594].

В стихотворении «Твое имя» автор еще раз акцентирует внимание на то, что имя Елена производное от имени Селена (покровительницы лунного света). «А имя твое – царица слов, / Живущих в лунных морях» [1, с. 32].

В поэтической картине мира Оцупа луна ассоциируется с образом страстно любимой женщины; актуализация лунного начала указывает также на загадочно-мистический ареал.

Ещё одним важным образом для поэта является волна, олицетворяющая жизнь, нахлынувшие чувства, бессознательную и телесную любовь: «Всю комнату в два окна / С кроватью для сна и любви, / Как щепку несет волна, / Как хочешь волну зови» [1, с. 34].

В стихотворении «На дне» (1921), как во время всемирного потопа, под волной оказывается целый город, буря и непогода выступают отражением бытия. Лирический субъект отождествляет себя ершом на суше. В последнем катрене эмоциональный тон меняется: «Но кто-то любит и кому-то жалко, / И кто-то помолился обо мне, / Проходит в дождевом плаще русалка, / Стихает буря – радуга на дне» [1, с. 28].

Выстроен глагольный синонимический ряд: любит, жалеет, помолился; далее следует романтический образ русалки, выступающей в редкой для себя роли предвестницы спасения.

Полномочная представительница водной стихии, пленительное создание народной фантазии, наделенная ангельским ликом, но в то же время безоговорочно причисленная славянской мифологией к нечистой силе, – женщина-русалка в художественной картине мира Оцупа – символ соблазна, сладострастного эротизма, пламенного сексуального вождения и разрушительной страсти.

Женский образ в стихотворении «Любовь» (1921) тоже эротичен, а сюжетная коллизия связана с нечистой игрой: «Снова воздух пьяного марта, / Снова ночь моего обручения, / Селениты на крыше играют в карты / И я попросил разрешения» [1, с. 30].

С помощью перифраз подробно описывается время суток: дворники спят, ворота закрыты, свет погас за окошками, страшный крик за оградой. Анафора фокусирует внимание на том, что каждая ночь для возлюбленных – как первая, обручальная. Тем не менее ночью лирический субъект занят тем, что делает ставки на любовь, соперничая с необычными персонажами – селенитами, жителями луны.

Литературовед Л. Спроге, анализируя стихотворение, отмечает: «Развитие игорного сюжета способствует связи адресата с одной из карточных фигур, имя Елена имеет роковое совпадение с Еленой Прекрасной, в этом облике в карточной колоде изображалась “дама бубен”, которую выкрикивают селениты» [8, с. 4]. Если быть точным, Елена Прекрасная и Дидона являлись прототипом «дамы червей», однако поэт мог не знать этого, поскольку единодушия в установлении прототипов дам не было. Семантическая игра именем дает скрытую характеристику героине: традиционно «дама бубен» считается страстной и импульсивной женщиной.

Проиграв и схватив крупье за горло, лирический субъект падает в прошлое. Далее море воспоминаний выносит его на «берег» серпуховской квартиры. (В 1910-х гг. Оцуп жил по адресу: Серпуховская, д. 7, кв. 5.) [1, с. 592]. Очнувшись от сновидений и миражей, он слышит звоны лиры с лазурного потолка: «Мне ли томиться лунной любовью? / Сердце. Сердце мое беспощадное! / Елена, девственной кровью / Утоли мое тело жадное».

Стихотворение обдуманно в звуковом отношении: об азартной игре в карты автор пишет, используя суровую аллитерацию на «р»: на крыше играют в карты и я попросил разрешения. Для описания любви использована мягкая аллитерация на «л»: мне ли томиться лунной любовью.

Автор выстраивает ассоциативные цепочки: 6 поэтических образов связаны с мотивом луны, 7 связаны с мотивом ночи, 2 – с мотивом памяти, все они являются смысловыми звеньями, служащими для описания любви.

В эмоционально заключительном катрене интимные переживания лирического субъекта звучат как заклинание.

В проанализированных стихотворениях слово «тело» употребляется девять раз, а слово «сердце» только два раза. Частотность употребления еще раз указывает на значимость для лирического субъекта плотской любви. Интимная любовь – естественная сторона человеческой жизни.

В первом сборнике «Град» поэт намеренно пробует различные поэтические формы: удлиненные рифмы, редкие метры – хорямб, трехдольный пауэрик, 5-стопный хорей; меняет субъектную орга-

низацию. Так, стихотворение «В легко подбрасывающем автомобиле» написано от лица женщины: «Как по звездной, золотистой нитке / Память искрой взбегала. Вспыхнул дымный луг, / И луна заглянула в качаемый полог кибитки, / Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг» [1, с. 41].

Автор опять использует ключевые лексемы: луна, тело, память; употребляет традиционные романтические образы – строгой, враждебной и равнодушной к человеку звезды; эпитеты, служащие для описания любви и свободы – шелест несущих крыльев, дым кочевья; но главным является предложение: «Губы его изредка закрывали мои глаза» из первого катрена. Его инвариант повторяется в последней строфе: «Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг». Целовать в глаза – к расставанию, и героиня предчувствует скорую разлуку.

В стихотворении «В голубом прозрачном крематории» (1921) внутренний мир лирического субъекта раскрывается через его отношение к описываемому случаю.

Необычное сравнение Петербурга с крематорием несколько раз фиксируется с помощью перифраз (горячий золотой дождь), царящая «проклятая жара» ассоциируется с преисподней. Во втором катрене описана героиня – прекрасная и бледная женщина, замершая у дубовой двери. К ней обращается деревянный лев: «Милое и нежное создание, / Я сейчас у ног твоих умру, / Разве можно бегать на свидание / В эту нестерпимую жару? / Будешь ты изменой и утратой / Мучиться за этими дверьми, / Лучше обратись скорее в статую / И колонну эту обними! <...> / Все равно за спущенными шторами / Он совсем не ждет твоих шагов, / Встретишься с уклончивыми взорами / И вдохнешь струю чужих духов» [1, с. 33].

Героиня внемлет увещаниям льва и обращается в задумчивую статую. В трактовке Оцупа заметно отступление от традиционного романтического мотива, когда от холода неразделенной любви замерзает душа и сердце, здесь цепенеет тело. Застывшее мраморное тело олицетворяет конец телесно-чувственного проживания жизни и утрату страсти. Льву легко удается обмануть героиню, ведь мужчина, узнаем из финала, верен и ждет ее, но предчувствие измены терзает больше, чем сама измена, сторож – лев остерегает от боли и предательства.

Статуя, являясь совершенным созданием художника, противопоставлена женщине, измученной разрушительными чувствами. Превращаясь в предмет культуры и искусства, она преодолевает низшие губительные эмоции.

Кроме того, для героини важно, чтобы любимый помнил ее: образ женщины, запечатленный в камне, хранит о ней память.

Во втором сборнике поэта «В дыму», выпущенном уже в эмиграции, любовь и измена постоянно сопутствуют друг другу.

Книга делится на 3 части: стихи 1922–1923 гг., 1921–1923 гг. с отметкой «Петербург – Берлин», стихи 1925–1926 гг., написанные в Париже.

На первый взгляд, фон произведений не меняется, стихотворение «Я много проиграл» текстуально совпадает со стихотворением «Любовь» (1921), центральным остается мотив азартной игры: «Я много проиграл. В прихожей стынут шубы. / Досадно и темно. Мороз и тишина. / Но что за нежные застенчивые губы, / Какая милая неверная жена» (1921) [1, с. 61].

Цезуры делают повествование сухим. Можно выявить несколько настойчиво повторяющихся лексем и ассоциатов, с ними связанных: темнота, холод, тишина, обман. Строку «Какая милая неверная жена» можно понять двояко, о своей или о чужой жене говорит лирический субъект?

Если раньше телесная любовь приносила радость, то теперь «метелью замело блаженный поцелуй». Причина охлаждения кроется в оценочном эпитете с негативной окраской «неверная».

Стирается граница между игрой и реальностью, но игра в «бесслезную любовь» приводит к фатальному финалу, измена – причина назревающей «глухой беды». Не случайно лирический субъект выступает в роли Энея, друга Париса, похитившего изменщицу Прекрасную Елену. «Но если ты поверишь Энею, / Ожесточенному в морях, / Я все еще любить умею, / И я вздыхаю на пирах» (1922) [1, с. 50].

Используя сюжет античной мифологии, поэт намекает на события своей личной жизни. Известно, что в 1922 г. Оцуп покинул страну, оставив на родине свою жену (Эней оставляет любимую жену Дидону).

В первых эмигрантских стихотворениях рядом со словом «любовь» часто находится частица «еще»: «Слова, слова. Любовь еще жива» (1922) [1, с. 63].

Вдали от родины мучает тоска, одиночество, с помощью алкоголя лирический субъект пытается уйти в забвение: «Я молча пью. Ты не со мной, / Но ты всегда моя. / Я всюду слышу голос твой, / Далекий звон ручья» (1923) [1, с. 53].

Стихотворения строятся на антитезе: настоящее представляется мраком, сумасшедшими, мертвыми, равнодушными, невыносимыми годами. Действительности противостоят живые воспоминания о любви, служащие удесятеренным светом и вдохновением. Пусть любимая не с ним, но пока он чувствует ее своей.

В стихотворении «Часы» (1923) перечисляются традиционные атрибуты любви, проходящие через все творчество поэта: волны памяти, ночная комна-

та, чудный мрак, в котором светятся, как при луне, черты дорогого лица. «Пройдут, как волны, надо мной века, / Затопят все мои земные ночи, / Но там воскреснут и моя тоска, / И верные единственные очи» [1, с. 57].

Автор не использует возвышенных поэтических эпитетов для отображения времени любви – ночь у него земная. Для описания любимой употребляются положительные оценки «верная, единственная», но такой образ сохранился лишь в воспоминаниях. В последующих стихотворениях лирический субъект говорит о возлюбленной, используя оценочный эпитет «злая». («И та, прекрасная и злая, любимая и посеячас» [1, с. 54]), а в стихотворении «Когда необходимой суетой» [1, с. 55] женщина уподобляется ведьме: «И разлюби: не ангела крыло / Ту женщину сияньем осенит, / Ей пригодится разве помело, / Когда она на шабаш полетит» (1923).

Перед нами образец медитативной лирики, лирический субъект обращается к самому себе. Он хочет вырваться из плена любви (об этом упоминается два раза) и учится «змеиной мудрости». В последнем катрене отчетливые образы природы олицетворяют свободу, к которой стремится лирический субъект, пытаясь забыть о любимой.

Вот как теперь он изображает черты когда-то дорогого ему лица: «Ты волосы встряхнешь, и на ветру блеснет / Освобожденный лоб, а злой и нежный рот / Все тени на лице улыбкой передвинет / И, снова омрачась, внимательно застынет. / В пронзительных глазах чернеет холодок» (1923) [1, с. 54].

Использование анжабемана делает описание чеканным. Из последней строфы мы узнаем: трагедия лирического субъекта в том, что теперь женщина, которую он считал своей, стала для него чужой. В этом стихотворении слово «чужая» упоминается два раза, в следующем – уже три раза. «Ты говорила: “Мы не в ссоре, / Мы стать чужими не могли, / Зачем же между нами море / И города чужой земли?”» [1, с. 57]

Героев разъединяют автобусы и корабли, уничтожающие прошлое, – образы, ставшие опознавательными знаками, неизменно присутствующими в творчестве всех художников эмиграции: «Летит корабль. Мелькает пена. / Тебя увижу я сейчас. / Но это только сон: измена / Навеки разлучила нас» (1923) [1, с. 58].

Нельзя утверждать, что художественная картина мира поэта отражает его настоящую жизнь. Произведения Оцупа носят автобиографический характер, но все же лирический субъект не двойник поэта и не тождествен автору. Образ любимой женщины также является собирательным.

Тем не менее творчество поэта насыщено личными намеками.

В книге П. Лукницкого упоминается о любовнице Оцупа – Эльзе Яковлевне Радловой, жене Николая Радлова [4, с. 150]. В поэтической картине мира Оцупа изображение любимой двусмысленно: с одной стороны, перед нами женщина, которая изменяет мужу, с другой стороны, любимая женщина, которой лирический субъект сам признается в измене.

Продолжая многовековую литературную традицию, поэт использует вечный образ Дон Жуана, в одноименном цикле (1923) лирический субъект говорит о «другой» женщине. «“Душно, уходи, другая – / Ольга, жарко на песке”. / Загорелая, босая. / Ропщет море вдалеке» [1, с. 69].

Рассуждая о любви, Оцуп писал: «...муж, столько раз изменявший жене во время долгих странствий, не может не видеть в каждой женщине сестру вечной изменницы, прекрасной Елены» [2, с. 43].

Экспериментируя, поэт создает «экзотические» произведения о любви: «Пантум» (1923) малайской поэтической формы и «Канцоны» (1925), имитируя итальянские стихотворения. В целом же во втором сборнике поэта нет нарочито усложненных тропов, метафоры понятны и конкретны, а слог простой (почти все произведения написаны разностопным ямбом с пиррихиями). Критик П. М. Бицилли в этой связи отмечал: «Стихов как будто не видно – они только медиум между автором и читателем» [9, с. 11].

В заключительном стихотворении сборника «Любовь» (1926) для своего суждения автор использует четырехстопный ямб, разрыв строки, антонирование союзов, разное количество ударений в строке; совмещает смежную, охватную и перекрестную рифмы; шестистишие сменяется восьмистишием, пятистишием и снова восьмистишием. Стихотворение является обращенным монологом, используется местоимение «мы» и обращение «мой друг», что усиливает экспрессивную окраску речи. Местоимения «я» нет, поскольку для поэта важно, чтобы его мысли были созвучны убеждениям других людей, живущих с ним в одну эпоху и принадлежащих одному поколению.

Реальность описывается через ряд заведомо ассоциативных образов: холод, стужа, кашель, тяжесть. Раньше от всего этого можно было укрыться в объятиях возлюбленной, но теперь чувственная телесная любовь – забвение, уже не служит оберегом. Лирическому субъекту трудно сопротивляться сумасшедшей влюбленности, но нужно пытаться вырваться из тюрьмы собственного сознания: «И только если череда / Блаженно-смутных обольщений / Истает дымом – лишь тогда, / Лишь в холо-

де опустошений, / Лишь там, где ничего не жаль, / Забрезжит нам любовь иная, / Венцом из света окружая / Земли просторную печаль» [1, с. 76].

Страсть исчезла бесследно, истаяли дымом последние воспоминания о любимой, а в душе – предчувствие новой встречи, иной любви: светлой, святой, очищающей, духовной.

Таким образом, в ранних стихотворениях поэта можно выделить ассоциативно-образную цепочку [10, с. 60], в состав которой входят близкие словесные образы, фокусирующие внимание на развертывании любовной темы: память-волна-страсть-игра-ночь-луна-сновидения-память. В сборнике «В дыму» описание любимой женщины поэта тесно связано с доминантными мотивами разлуки и измены. Первая жена, запечатленная в образе древнегреческой красавицы прекрасной Елены, несомненно, была горячо любима Оцупом, но воспоминания о ней остались негативными. В произведении «Дневник в стихах», написанном поэтом в зрелые годы, он признается: «Для меня прекрасная Елена / Чем-то отвратительна: измена» [1, с. 223].

В докторской диссертации о Гумилёве Оцуп писал: «В родной стране поэту суждено изведать только страсть, и лишь в других краях он надеется встретить ту, кто в представлении Петрарки “прекрасней солнца”. Гумилёв не нашел в земной жизни мадонны своих молитв, женщины, которая сумела бы его покорить не только физическим и духовным очарованием, но чистотой и нравственным совершенством» [2, с. 47].

Не применимы ли эти слова к самому Оцупу? К счастью, в отличие от Гумилёва, в его жизни состоялось чудо встречи с Беатриче. Своей второй жене Оцуп посвятил всю последующую любовную лирику.

Однако современники поэта отмечали, что лучшие стихотворения о любви Оцуп написал именно в 20-х гг. Нина Берберова в книге «Курсив мой» писала о стихотворениях Оцупа: «Ранние стихи о любви точны в передаче видимого; раз прослушав, их легко запомнить на всю жизнь, в них чувствуется свобода. Все, что было написано впоследствии, вяло, длинно, нравоучительно, задавлено моралью, как старомодная басня» [11, с. 238].

К сожалению, в конце жизни Оцуп стыдился рассмотренных нами стихотворений, многие из них даже не вошли в его посмертную книгу «Жизнь и смерть» (1961). Неизвестно, сам ли поэт отверг эти стихи или вдова Оцупа, составляющая сборник, так распорядилась его наследием, но важно, что стихи о первой любви теперь опубликованы, и у читателей есть возможность познакомиться с самыми искренними стихотворениями поэта.

Список литературы

1. Оцуп Н. А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 616 с.
2. Оцуп Н. А. Николай Гумилёв: Жизнь и творчество. СПб: Logos, 1995. 200 с.
3. Чуковский Н. К. Правда и поэзия. М.: Правда, 1987. Библиотека «Огонёк». № 12. С. 17.
4. Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925 гг. Т. 1.
5. Оцуп Р. Р. Оцупы – моя семья. Генеалогическое исследование. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. 76 с.
6. Розанова О. И. Елена Люком. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
7. Зинин С. И. Имя собственное и контекст // Мат-лы науч. конф. аспирантов Ташкентского ун-та. Гуманит. науки. Ташкент, 1966. С. 80–82.
8. Спроге Л. Рассказ Г. Адамовича «Рамон Ортис»: дискурс игры.
9. Поэзия русского Зарубежья / сост., предисл., коммент. О. И. Дарка. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. 800 с.
10. Яцуга Т. Е. Ассоциативно-образная цепочка в регулятивной структуре поэтических текстов З. Гиппиус // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). С. 59–63.
11. Берберова Н. Н. Курсив мой. М.: Аст / Астрель, 1996. 765 с.

Сафонова Е. А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru

Материал поступил в редакцию 03.10.2012.

Е. А. Safonova

THE IMAGE OF WIFE – THE BELOVED IN NIKOLAY OTSUPA'S LYRICAL COLLECTIONS "HAILSTONES" AND "IN THE SMOKE"

In the article the love lyrics of the poet of the first Russian emigration of Nikolay Otsupa is analyzed. The early poems of the poet created from 1918 to 1926 and comprising the first collections by N. Otsupa "Hailstones" and "In the Smoke" are considered.

Key words: *emigration, love, lyrics.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru